УДК 301.01

Ю.В. Епанова*

ИНТЕРНЕТ-РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРФОРМАТИВНОЙ ТЕОРИИ ДЖ. БАТЛЕР

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы репрезентации идентичности в Интернет. Предметом рассуждений становятся вопросы «истинности» этих репрезентаций и специфики механизмов их построения. С этой целью дается обзор концепций социальной идентичности, особое внимание в котором уделяется перформативной теории Дж. Батлер.

Ключевые слова: Интернет, идентичность, репрезентация, виртуальная идентичность, теории идентичности, перформативная теория.

Распространение компьютерных технологий в современном мире привело к трансформации социокультурной реальности и заставило заговорить о возникновении нового типа общества – информационного. Масштабы этих трансформаций оцениваются по-разному: одни исследователи говорят о глобальном переустройстве общества, сравнимом в своей значимости лишь с переходом человечества от первобытности к цивилизации; другие же, менее радикальные в своих оценках, рассматривают его лишь как новый этап развития информационных технологий, как новую технологическую эпоху.

Особую роль в этих изменениях исследователи отводят распространению Интернет, который рассматривается как феномен, обладающий принципиальной новизной в нескольких аспектах. Во-первых, он отличается от других средств массовой информации и коммуникации рядом технических возможностей:

1) мультимедийностью, то есть способностью объединять в однородную среду разнородную информацию, такую как графика, текст, аудиозаписи, видео и т.д.;

2) интерактивностью, превращающей пользователя из пассивного объекта информационного потока в активного субъекта диалога, в его автора и соавтора;

* © Епанова Ю.В., 2009

Епанова Юлия Валентиновна – кафедра теории и истории культуры Самарского государственного университета

3) персонализацией, что проявляется в возможности выбора тематики, характера, типа, канала информации, формы самовыражения и т.д.

4) «многосторонностью», то есть сосуществованием разных коммуникативных сред – синхронной и асинхронной, индивидуальной, групповой и массовой [1. С. 233].

Во-вторых, Интернет внес новизну в коммуникативные структуры, раздвинув традиционные представления коммуникативистики, в основе которой лежала схема «источник – сообщение – получатель». Коммуникация в киберпространстве не отвергает эту схему, но делает ее более вариативной, где характеристики трех звеньев этой цепочки могут приобретать абсолютно любые формы. Разрушается также характерное для письменной культуры представление о тексте как логической последовательности символов, слов, предложений, обладающей началом, серединой и окончанием и характеризующейся законченностью, обособленностью. Гипертекст дает возможность игры, жонглирования различными частями текста, снимает жесткость последовательности его прочтения, раздвигает его границы, отсылая нас к другим текстам. В конечном итоге текст уже не разворачивается во времени в последовательном изложении, а одномоментно присутствует здесь и сейчас.

В-третьих, распространение Интернет и внедрение его в повседневные практики приводит к возникновению новых феноменов в структурах сознания человека. Исходя из идеи М. Маклюэна о том, что форма коммуникации задает определенные схемы восприятия и мышления, исследователи говорят о становлении «информационного сознания», главной отличительной чертой которого становится разрушение жесткости временного континуума и причинно-следственного мышления. Подобно гипертексту, весь мир начинает восприниматься как актуально наличествующий здесь и сейчас во всей своей полноте. Утрачивается значимость пространственной характеристики мира, так как Интернет позволяет преодолевать его границы, соединяя людей с разных концов света, предоставляя нам возможность совершать виртуальные путешествия в разные страны, посещать музеи и библиотеки, не покидая собственного дома. Возникают эффекты полифоничности и «распределенности» виртуального сознания, так как анонимность позволяет создавать множество саморепрезентаций, участвовать во множестве сообществ, отстаивать различные точки зрения и т.д. Более того, возникает идея, что Интернет позволяет преодолевать индивидуальное сознание и переходить к надындивидуальному «постсознанию» [2].

Даже этот, далеко не полный перечень тех новшеств, которые принесло распространение Интернет-технологий, позволил исследователям делать прогнозы о далеко идущих последствиях указанного феномена, выражающихся в проникновении виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь, и, в конечном итоге, говорить о «виртуализации» общества в целом [3].

Подобный глобальный переход должен был сопровождаться не менее глобальными изменениями отдельных социальных феноменов. Это привело исследователей к необходимости рассмотрения и переосмысления, казалось бы, уже изученных явлений. Одно из самых значительных мест в этой дискуссии заняли рассуждения о специфике существования человека в новом, виртуальном типе реальности и об особом способе этого существования, для описания которого стал употребляться термин «виртуальная идентичность».

С одной стороны, рассуждения об идентичности актуализировались в рамках оптимистичного дискурса о демократизирующем эффекте Интернет. Сторонники этой теории утверждали, что возможная анонимность общения в Интернет-

среде имеет важный положительный эффект – она не позволяет идентифицировать собеседника (если он этого не захочет) ни с полом, ни с возрастом, ни с этнической группой и т.п.. А это, в свою очередь, помогает избежать стереотипного восприятия собеседника. Таким образом, Интернет позволяет действовать в гендерно-, расово- и т.д. безразличной среде и избегать дискриминации.

Другой лагерь был представлен паническими рассуждениями о разрушающем эффекте анонимности. Его сторонники утверждали, что отсутствие социальных признаков, возможность использования временных масок в виртуальном общении приводят к ослаблению социального контроля, вызывают чувство безнаказанности и провоцируют рост асоциального поведения. Анонимность подрывает доверие к собеседникам, формирует психологическую отчужденность и атомизацию субъекта. Наиболее радикальная точка зрения рисовала в качестве итога влияния Интернет-общения на человека картину полной потери собственной идентичности и шизофренического распада личности.

Как ни парадоксально, при всей своей диаметральной противоположности обе эти точки зрения исходили, по сути, из одних и тех же позиций – из противопоставления «реальной» и «виртуальной» идентичностей субъекта. Утверждалось, что Интернет дает принципиально новую возможность скрыть свою «истинную» идентичность, заменив ее виртуальным аналогом, степень схожести или различия которых будет зависеть исключительно от желания субъекта.

Однако насколько принципиально нова эта ситуация? Действительно ли только Интернет помещает нас в сферу чистого самоконструирования, когда «мы есть то, что мы пишем»? И насколько радикально отличаются механизмы построения социальной идентичности в «on-line» и «off-line» реальностях?

Для ответа на эти вопросы, прежде всего, следует рассмотреть эволюцию теоретических представлений о социальной идентичности. В самом общем виде социальной идентичностью называют отнесение человеком себя к какой-либо группе, осознание (не обязательно истинное) сходства с этой группой и возникающее на его основе ощущение принадлежности.

Данное понятие исходит из представлений о существовании социальных общностей, в основе которых лежат некие сходства или разделяемые признаки, вокруг которых и объединяются члены данной группы. Первое направление в изучении идентичности – эссенциализм – рассматривало эти признаки как «естественные», коренящиеся в биологических особенностях строения организма, во врожденных особенностях психики, в специфике географического положения и т.д.

Однако в середине XX века подобная «естественность» начала ставиться под сомнение. Произошло утверждение конструктивистской парадигмы в анализе идентичности (-ей), с точки зрения которой объединяющие группу признаки не являются предзаданными, а конструируются обществом. Нет «природных» женских, мужских, этнических, региональных и других черт, есть лишь конструкты – наборы этих черт, которые *создаются* в социуме и *приписываются* каким-либо группам. Такой подход, с одной стороны, позволил объяснить существующее транскультурное многообразие моделей полового, возрастного, статусного и другого поведения, а с другой – дал теоретическую основу для множества либеральных движений начиная с 60-х годов.

Однако ошибкой было бы рассмотрение конструктивизма в качестве теоретически однородного направления. Часть его сторонников, утверждая культурную сконструированность идентичности, рассматривает ее в определенной степени как объективированное явление, то есть как нечто уже выработанное в обществе

и существующее независимо от конкретного человека. Задача индивида в таком случае сводится в идеале к максимально точному усвоению этого конструкта в ходе социализации. Так, например, Таджфел в своей теории социальной самокатегоризации утверждает, что процесс становления социальной идентичности включает три этапа. Первый – самоопределение человека как представителя какой-то группы (гендерной, возрастной, этнической и т.д.), второй – усвоение *уже свойственных* для этих групп норм и стереотипов поведения и включение характеристик группы в собственный «Я-образ» и третий – интериоризация усвоенных норм и стереотипов поведения, формирование самоидентификации.

Однако подобная идея рассмотрения социальной идентичности как своеобразного «достигаемого» статуса была оспорена в рамках перформативной теории, сформировавшейся в работах Дж. Батлер, посвященных гендерной проблематике [4]. Она выступила против концепции гендера как социального пола, который мы приобретаем в ходе социализации раз и навсегда. По ее мнению, он существует только в акте *постоянного воспроизводства* в нашем повседневном взаимодействии.

Основу перформативной теории составили несколько концепций. Во-первых, это драматургический подход И. Гофмана [5], а также его идея гендерного дисплея. В отличие от социологических макротеорий, драматургический подход фиксирует свое внимание на уровне повседневного межличностного взаимодействия, описывая средства и способы «представления себя другим» в терминах театра. Человек оказывается вовлеченным в *непрерывный* процесс формирования и поддержания определенного впечатления о себе, в том числе и впечатления о гендерной принадлежности. «Созидание гендера» (doing gender) пронизывает любые виды нашего взаимодействия, создавая постоянный фон нашей жизни – гендерный дисплей, то есть многообразие представлений и проявлений мужского и женского.

Второй источник идей, сформулированных Дж. Батлер, составляют этнометодологические исследования Г.Гарфинкеля, в частности описанный им случай Агнес [6.С.126-193]. Агнес с рождения имела мужские гениталии и воспитывалась мальчиком, однако, по ее словам, всегда ощущала себя женщиной. Эта уверенность подтверждалась и сексуальными предпочтениями, и развитием фигуры по женскому типу, включая формирование груди. В 18-летнем возрасте он(а) поменяла идентичность и приняла решение стать женщиной. Для этого Агнес уехала из дома, поменяла внешность, обзавелась бойфрендом и, в конечном итоге, прошла через операцию по смене пола. Изменив биологический пол, перед ней возникла задача «стать настоящей женщиной». В силу того что воспитание Агнес проходило по «мужской модели», у нее отсутствовала необходимая «база» гендерного моделирования, которая у других женщин наличествует практически нерефлексивно. В отличие от них, Агнес должна была вести *постоянную сознательную* работу по созданию новой гендерной идентичности, ее поддержанию, самоанализу и самоконтролю. Случай Агнес сделал очевидными для Г. Гарфинкеля механизмы выстраивания гендерной идентичности, которые в других условиях оказывались скрыты. Исходя из описанного случая, гендер начинает мыслиться уже не как нечто раз и навсегда достигаемое, а как результат повседневной коммуникации, в рамках которой он *постоянно* производится и воспроизводится и в рамках которой он только и существует.

В чем же состоят основные идеи перформативной субъективности, сформулированной Дж. Батлер? Как и все феминистские теоретики, она исходит из того, что гендер – не стабильная категория, а исторически и локально обуслов-

ленная, и, подобно другим идентичностям, является перформативным феноменом. Это обозначает, что он конструирует и утверждает себя в *акте представления*. Причем Дж. Батлер подчеркивает, что уверенность людей в том, будто мы своими действиями выражаем некую субъективность, ошибочны. Перформативная теория отстаивает идею первичности действия. И нет предшествующей этому перформансу (говорению, проявлению, представлению) сущности. Нет никакого «предискурсивного» Я. Идентичность – это то, что вы делаете, как вы себя выражаете (в первую очередь в слове), а не то, кем вы являетесь. Однако Дж. Батлер подчеркивает, что перформативность вовсе не обозначает свободный рефлексивный выбор субъекта. Человек не просыпается утром, решая, какую идентичность он сегодня будет носить. В русле размышлений М. Фуко она утверждает определенную заданность нашего перформанса, который лишь воспроизводит существующий властный порядок.

Применение перформативной теории при исследовании виртуальной идентичности имеет два важных, на наш взгляд, следствия. Во-первых, Дж. Батлер утверждает иллюзорность представлений о наличии некоего ядра идентичности. На самом деле идентичность творится непосредственно в акте перформанса, который лишь ретроактивно создает эту иллюзию. Таким образом, снимается проблема истинности или ложности Интернет-репрезентаций личности, поскольку вне этих репрезентаций идентичность просто не существует. Мы есть только то, что мы репрезентируем.

Во-вторых, оказывается, что подобный механизм является универсальным, а не ограничивается рамками виртуального пространства. Соответственно нет принципиальных различий ни в способе существования, ни в механизмах построения «реальных» и «виртуальных» идентичностей. Такой подход представляется весьма продуктивным, так как позволяет преодолевать рамки своеобразной традиции экзотизации, весьма распространенной в рассуждениях как об Интернет в целом, так и об Интернет-репрезентациях личности в частности.

Библиографический список

1. Филатова, О.Г. Интернет как масс-медиа / О.Г. Филатова // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб : Изд-во СПбГПУ, 2004.

2. Катречко, С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека / С.Л. Катреченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ihtik.lib.ru/philosarticles_21dec2006/

3. Емелин, В.А. Виртуальная реальность и симулякры / В.А. Емелин [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://emeline.narod.ru/virtual.htm

4. Батлер, Дж. Гендерное беспокойство / Дж. Батлер // Антология гендерных исследований: сб. пер. / сост. Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 297 – 346.

5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с.

6. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.

Y.V. Epanova

INTERNET-REPRESENTATION OF IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE PERFORMATIVE THEORY OF J. BUTLER

This article considers the problem of representation of identity in the Internet. In main focus is the questions of "truth" of such representations and specifics of mechanisms of their construction. The review of social identity concepts is given in order to answer these questions. The special attention is spared to the performative theory of J. Butler.

Key words: Internet, identity, representation, virtual identity, identity theories, performative theory.